ГЛАВА 9. ИЮНЬ IV

1

Домой, в Коикэ, я вернулся уже в десятом часу.

Время ужина давно прошло.

Я пытался позвонить домой по мобильнику и предупредить, что буду поздно, но звонок не проходил, так что бабушкина тревога разрослась почти до уровня паники; сдается мне, приди я еще минут на десять позже – и она бы успела позвонить в полицию. Она принялась меня смачно отчитывать, но громкое «Прости меня, ба» в исполнении внука успокоило ее сильнее, чем я ожидал.

– Где тебя носило так поздно?

Вопрос был предсказуем, и я ответил самым невинным тоном, на какой был способен:

– Был в гостях у одной девочки. Мы с ней дружим.

Этим я и ограничился. Даже если она будет расспрашивать дальше, я ничего рассказывать не собирался.

Рейко-сан вернулась раньше меня и – думаю, это вполне естественно – тоже была обеспокоена. Судя по виду обеих женщин, они собирались закидать меня новыми вопросами, но в конечном итоге подробного разговора так и не получилось. У меня на это просто не было сил.

В молчании проглотив ужин, я поспешил на второй этаж и плюхнулся на футон, расстеленный в моей спальне/кабинете.

Физически я был измотан; в голове же, наоборот, все было ясно. Положив руку на лоб, я закрыл глаза. И разговор с Мей, состоявшийся считанные часы назад, тут же сам собой начал прокручиваться у меня в мозгу…

2

С одним человеком из класса обращаются так, будто «его нет». Это восстанавливает баланс, и бедствия, которые несет с собой «лишний»… то есть «мертвый», проникший в класс, в этом году не происходят. Или по крайней мере ослабляются. Такой «талисман» был предложен, и последние десять лет показали его эффективность.

В самом начале этого года все думали, что ничего не будет. Но потом они поняли, что, когда уже после начала триместра в класс придет новенький – то есть я, – учеников окажется «на одного больше», и тревога, что этот год может стать особенным, распространилась по классу… И в итоге Мей Мисаки пришлось взять на себя роль человека, которого «нет». Начиная с мая – на месяц позже обычного. А потом –

История всплывала у меня в голове шаг за шагом, но я просто не мог принять ее как нечто реальное. Мей уже закончила свой обзор, а я все не мог стряхнуть оцепенение.

Когда я шел сюда, я вовсе не собирался подвергать сомнению то, что мне расскажут. Ничуточки. Но… все равно что-то во мне сопротивлялось тому, чтобы полностью поверить во все это.

– Вот почему тебе должны были всё рассказать в первый же день, когда ты пришел в школу, Сакакибара-кун. Ты должен был вести себя как все и делать вид, что меня «нет». Потому что иначе талисман слабеет. Но тогда на большой перемене ты просто подошел и начал со мной разговаривать.

Когда Мей это упомянула, я вновь вспомнил тот день.

«Э, эй, Сакакибара!»

«Ты что делаешь, Сакакибара-кун?»

Панические возгласы Тэсигавары и Кадзами. Глядя, как я спешу к лавке под деревом, где сидела Мей, они наверняка синхронно подумали: «Ой-ей-ей».

Это «ой-ей-ей» и эта паника наверняка были вызваны тем, что надо было как-то остановить меня. Но я тогда действовал так неожиданно, что они просто ничего не успели сделать…

«Почему?»

Так меня тогда спросила Мей. И потом еще:

«Ничего, что ты? Ну, это».

Лишь сейчас я, кажется, стал понимать, что означали эти и следующие ее слова.

«Будь осторожен».

«Будь… осторожен. Возможно, это уже началось».

– Если это такое важное «решение», почему никто мне не сказал о нем раньше?

Я это спросил больше у самого себя, но Мей ответила:

– Скорее всего, они не могли подыскать подходящий момент. Может быть, они думали, что по какой-то причине эту тему трудно поднять. Я уже упоминала, но вряд ли вообще кто-то по-настоящему серьезно об этом думал.

– Все из-за того, что я наткнулся на тебя в больнице еще до того, как это все началось… я поэтому удивился, когда увидел тебя в классе. И поэтому подошел к тебе в тот день. Никто не знал, что я тебя уже видел, так что им просто не могло в голову прийти, что я так быстро к тебе подойду.

– …Да.

– И потом я все время оставался единственным во всем классе, кто продолжал с тобой общаться, потому что ни черта не знал, что происходит. И от этого все постепенно начинали бояться сильней и сильней…

– Так и было.

Это объясняло и странную реакцию Сакураги во время физкультуры в тот день. Кстати, она же как раз интересовалась, услышал ли я «что-то» от Тэсигавары и Кадзами?

Вообще говоря, Тэсигавара, похоже, пытался рассказать мне «что-то» на большой перемене. Ну

да, я заметил Мей сразу после его слов «Мы тебе кое-что…», когда мы, болтая ни о чем, дошли до нулевого корпуса…

…И позже.

После рисования на следующий день.

«Я еще со вчерашнего дня хотел с тобой поговорить об этом…»

Так сказал Тэсигавара, но Мотидзуки, который тогда был с нами, его остановил.

«Не думаю, что ты теперь сможешь это сделать».

Кажется, я даже понял значение этого вот «теперь».

Я уже общался с Мей, а значит, говорить со мной, тем самым косвенно признавая, что «ученица по имени Мей Мисаки существует», теперь не имеет смысла. Наверняка именно это опасение было тогда у Мотидзуки.

И сразу после – их реакция, когда я зашел в дополнительную библиотеку, где была Мей.

«Э-эй, Сакаки. Ты же не?..»

«Са, Сакакибара-кун, что ты?..»

И не только они.

В основе переполоха, который возникал в классе то и дело после моего перевода сюда, лежала в конечном счете постоянная тревога, а также страх. Не перед Мей Мисаки. А перед «катастрофами» этого года, которые могли начаться из-за того, что я общался с ней.

3

– Мне еще Тэсигавара как-то позвонил на мобильник ни с того ни с сего. Он пытался меня предупредить, сказал: «Кончай обращать внимание на то, чего нет. Это паршиво».

Это было за неделю до промежуточных экзаменов.

– Думаю, он считал, что делает максимум для того, чтобы я перестал мешать работе талисмана.

– Видимо, да, – слегка кивнула Мей.

– И он мне тогда еще кое-что сказал. Он обещал, что расскажет мне, что было двадцать шесть лет назад, в начале июня. Но когда настал июнь, он так ничего и не рассказал. Сказал, что все изменилось.

– Это из-за смерти Сакураги-сан.

– …Но почему?

– Ты начал общаться со мной и тем самым нарушил «решение», которое им всем было нелегко выполнять. Наверняка они очень тревожились, что талисман может перестать работать. Но что если бы в мае ничего не произошло, несмотря на то, что ты натворил?

– В смысле… если бы никто не умер?

– Именно. Это значило бы, что нынешний год – «обычный». Тогда не нужно было бы продолжать с талисманом… Вот почему.

– …Ясно.

Если бы так и сложилось, исчезла бы нужда столь неестественно все от меня скрывать. Они бы расслабились и по-человечески объяснили бы мне ситуацию. И махнули бы рукой на эту их свихнутую «стратегию» обращения с одноклассницей, как будто ее нет… кстати.

– А когда Сакураги и ее мать умерли, все прогнозы полетели к чертям, да? Стало ясно, что этот год «такой» и что «катастрофа» уже началась, и…

И Тэсигавара сказал: «Щас все не так, как было тогда, когда я тебе дал слово».

…

…

…Когда я так вот складывал все кусочки пазла, сомнения и недоумения, накопившиеся у меня в душе, постепенно исчезали, но…

– Можно еще кое о чем спросить?

Осталась смутная непонятка, которая не давала мне покоя с самого первого моего разговора с Мей в школе.

– Твой бейджик.

– …Что?

– Он такой смазанный и мятый. Почему?

– А… я что, похожа на привидение с древним бейджиком? – шутливо произнесла Мей, и ее лицо чуть смягчилось. – Просто несчастный случай. Я уронила его в стиральную машину и не заметила, так что он постирался. Менять его на новый такая морока, ну и…

Ох. Только-то и всего?

Приободрившись, я задал еще вопрос:

– А почему твоя парта – единственная в классе такая старая? Есть какая-то причина?

– А, это, – ответила Мей с серьезным лицом. – Это часть правила. Ученику, которого «нет», дают такую вот парту. В классах на втором этаже нулевого корпуса, которыми мы больше не пользуемся, до сих пор полно старых парт и стульев. Оттуда их и приносят. Может, это тоже как-то должно заставить работать талисман.

– Понятно. Знаешь, я нашел там надпись.

– А.

– «Кто мертвый?» – это ведь ты написала, да?

– …Да, – Мей опустила взгляд и кивнула. – Я знаю, что я сама не «мертвая». Тогда кто в нашем классе? Вот что значит эта надпись.

– А. О, но… – внезапно мне в голову пролез довольно злой вопрос, и я его тут же выплеснул: – Значит, в том, что ты сама не «мертвая», ты уверена, да?

– …

– Ты же ведь сама сказала, что «изменение памяти» всех касается, даже самогО «мертвого»? Как тогда хоть кто-то может быть уверен, что это не он?

Мей по-прежнему не отвечала – сжала губы и моргала правым глазом, явно пытаясь скрыть замешательство. Сдается мне, я впервые увидел такую ее реакцию.

– Понимаешь… – начала было Мей, но сразу же снова замолчала.

И тут дверь комнаты открылась. Вошла мать Мей – Кирика, кукольник «Студии М».

4

Судя по довольно помятому виду ее одежды, Кирика-сан только что закончила работать в мастерской на втором этаже. На ней были черные джинсы и черная же блузка – похоже на одежду Мей, – а еще ярко-желтая бандана на голове.

Она была довольно рослой для женщины; отсутствие макияжа позволяло оценить природную привлекательность лица. Она, несомненно, походила на Мей, но в то же время ее как будто окутывала атмосфера куда более холодная, чем у дочери; сам не понимаю, почему мне так показалось. Когда мы говорили по телефону, ее озадаченный голос создал у меня в голове совсем другой образ.

В первый момент она посмотрела на меня так, будто увидела какого-то мифологического зверя.

– Это мой друг Сакакибара-кун. Это он звонил.

Едва Мей меня представила матери, та охнула, и ее лицо тут же переменилось. До этого момента оно было неживым, как у куклы, но за долю секунды на нем расплылась ненатуральная широкая улыбка.

– Добро пожаловать. Прошу прощения, что появилась перед тобой в таком виде, – произнесла она, стягивая бандану. – Нечасто моя дочь приводит к себе друзей. Сакакибара-кун, да?

– А, ага.

– Она мне никогда не рассказывает, как в школе дела. Ты с ней в одном классе учишься? Или в кружке живописи?

Кружок живописи? Мей ходит в этот кружок? Тогда, значит, она и Мотидзуки…

– А еще Сакакибара-кун ходит на выставку внизу. Он однажды случайно зашел, и, по-моему, ему понравилось. Мы сегодня весь день говорили о куклах.

Мей обращалась к матери как-то натянуто. Причем это выглядело как нечто само собой разумеющееся, не как особенное что-то.

– Ну нааадо же! – улыбка Кирики-сан стала еще дружелюбнее. – Как необычно для мальчика. Тебе всегда нравились куклы?

– Думаю, да, – ответил я, страшно нервничая. – А, но, нуу, я в первый раз видел таких кукол так близко… И, эээ, я был сильно удивлен…

– Удивлен?

– Это, нууу, не знаю даже, как объяснить…

Несмотря на чересчур старательно работающий кондиционер, я чувствовал, что меня вот-вот в пот бросит, – хотя раньше почти мерз.

– Эммм, эти куклы – это вы их все сделали в своей мастерской, Кирика-сан?

– Мм, да, я. Какая из тех крошек тебе больше всего понравилась?

Первое, что мне пришло в голову, когда я услышал этот вопрос, – кукла девочки в гробу, стоящем в дальнем конце подвальной комнаты, но…

– А, эээ…

Я был слишком смущен, чтобы ответить честно, и потому мой голос увял. Со стороны, подозреваю, выглядело смешно.

– Тебе уже домой пора, Сакакибара-кун, – вмешалась Мей и спасла меня.

– А… ну да.

– Я его провожу немного, – сообщила она матери и встала с софы. – Сакакибара-кун только в апреле приехал сюда из Токио. Он еще плохо знает дорогу.

– А, вот как?

Улыбка, еще секунду назад приклеенная к лицу Кирики-сан, исчезла без следа. Ее лицо стало таким же кукольно-неподвижным, как тогда, когда она только вошла. Однако голос сохранил шелковую дружелюбность.

– Заходи к нам, когда захочешь.

5

Я шел бок о бок с Мей по темным улицам – был уже поздний вечер. Мей шагала слева, я справа. Так ее нормальный глаз, не «глаз куклы», мог меня видеть.

Дул теплый, влажный ветер, предвещая наступление сезона дождей. При такой влажности он должен был бы противно липнуть к коже. Однако сейчас ощущение от него было приятное.

– У вас всегда так? – спросил я, разбив напряженное молчание.

– Что именно? – коротко уточнила Мей.

– Ты и твоя мама. Ты с ней так вежливо говорила… как будто с незнакомым человеком.

– Это что, так странно?

– Не знаю, можно ли это назвать странным, – я просто подумал, матери и дочери что, вот так друг с другом общаются?

– Думаю, обычно по-другому, – очень сухо ответила она. – Но у нас с этой женщиной всегда так. А в твоей семье как? Как мать общается с сыном?

– Моя семья без матери.

Вот именно; и поэтому всю информацию о том, как матери общаются со своими детьми, я черпаю извне.

– Что? Я не знала.

– Она умерла почти сразу после моего рождения. Так что я всю жизнь жил с отцом… А ему весной пришлось на год уехать за границу, и в результате я внезапно свалился сюда. Сижу на шее у маминой родни в Коикэ. Можно сказать, моя семья разом стала вдвое больше.

– …Ясно.

Мей молча прошла несколько шагов, потом сказала:

– У меня с матерью по-другому просто не может быть. Понимаешь, я одна из ее кукол. Как и «те крошки» внизу.

Она не казалась какой-то унылой или, там, подавленной. Голос ее звучал по-обычному отстраненно. И все же мне эти ее слова чуток ударили по мозгам.

– Нет… не может быть… Ты же ее дочь, и ты живая.

Она ну ни разу не похожа на куклу. Так я хотел сказать, но Мей меня опередила:

– Я живая, но ненастоящая.

Эти слова меня поставили в тупик.

Ненастоящая? В смысле…

…Что? Я хотел спросить, но слова застряли у меня в горле, и я их проглотил. Потому что лезть так глубоко явно было бы неправильно. И я слегка подтолкнул разговор в сторону «нашей проблемы».

– Твоя мама знает про то, о чем мы говорили? Про то, что в классе с мая творится?

– Абсолютно ничего, – мгновенно ответила Мей. – Нам запрещено рассказывать родным. И даже если бы не было запрещено, вряд ли я смогла бы.

– Твоя мама бы сильно рассердилась, если бы узнала? Об этом кошмаре, который класс с тобой вытворяет?

– Не знаю. Может быть, это и встревожило бы ее немного. Но она не из тех, кто ругался бы и устраивал скандал в школе.

– А что насчет твоих прогулов? Ты и сегодня в школу не пошла… Ты ведь дома была, да? Она тебе ничего не говорит по этому поводу?

– Это можно назвать «политикой невмешательства». Хотя, может быть, тут больше подходит не «невмешательство», а «безразличие». Она по полдня торчит у себя в мастерской. И когда перед ней кукла или картина, она, по-моему, вообще обо всем остальном забывает.

– Значит, она не беспокоится, – я кинул взгляд на профиль Мей, идущей совсем рядом. – И даже сейчас не беспокоится…

– Сейчас? А что сейчас?

– Ну, как бы, ты провожаешь домой первого парня, который пришел к тебе домой, а уже темно, и… ну вот.

– Понятия не имею. Но это ее действительно не беспокоит. Она как-то сказала мне: «Просто я тебе доверяю», – но не уверена, что это правда. Скорее, это то, во что она сама хочет верить, – Мей кинула на меня взгляд, но тут же снова уставилась прямо перед собой. – Кроме… одного.

– Кроме одного?

…Интересно, о чем это она.

Я снова взглянул сбоку на ее лицо. Мей кивнула, потом медленно закрыла и снова открыла глаз, будто показывая, что не хочет больше говорить на эту тему, и неожиданно ускорила шаг.

– Эй, Мисаки! – громковато, пожалуй, крикнул я, пытаясь ее остановить. – Ты мне все объяснила, и теперь я вроде понимаю, что это за «тайна класса три-три», но… тебя саму это все устраивает?

– Ты о чем? – вновь ответила она встречным вопросом.

– В смысле, что с тобой творят ради этого талисмана…

– С этим я ничего поделать не могу, – на сей раз шаги Мей резко замедлились. – Кто-то ведь должен быть тем, кого «нет». Просто так вышло, что это оказалась я.

Голос ее звучал точно так же, как и всегда, но почему-то мне трудно было принять эти слова за чистую монету. Она сказала «с этим я ничего поделать не могу», но непохоже было, чтобы она испытывала сильные чувства типа «я тружусь ради общего блага». И такие понятия, как «самопожертвование» и «преданность товарищам» тоже, по-моему, не очень-то вязались с ее поведением…

– Ты хочешь сказать, что тебе все равно? – попытался копнуть я. – Может, тебе никогда особо не интересно было трепаться с подругами, вообще общаться с одноклассниками?

Может, именно поэтому она так бесстрастно реагировала на то, что с ней, единственной из всего класса, обращались так, будто ее не существует?

– Общение с людьми, всякая болтовня… да, по этой части я не очень, – и после короткой паузы она продолжила: – Как бы это сказать? Я для себя не пойму, неужели эти штуки, которые вроде всем нужны, действительно такие важные. По-моему, они иногда доставляют сплошные неудобства… А, но главное во всем этом, возможно…

– Что?

– Допустим, они выбрали бы не меня на роль «того, кого нет», а еще кого-то. Тогда мне пришлось бы стоять вместе со всеми и делать вид, что того человека не существует. Разве не лучше самой оказаться в этой роли? Тебе не кажется?

– Хмммм…

Я мог лишь неопределенно кивнуть. Мей вдруг двинулась в сторону. Я поспешил за ней и тут же обнаружил, что впереди левее дороги находится маленькая детская площадка. Мей направлялась именно туда, будто плывя над асфальтом.

6

В углу безлюдной площадки была песочница, а рядом стояли две железные перекладины разной высоты. Мей ухватилась за более высокую – впрочем, все равно это была низкая перекладина, для детей же – с легкостью крутанулась через нее и уверенно приземлилась. В тусклом свете фонаря ее фигурка в черных джинсах и водолазке как будто танцевала.

На миг обалдев, я тут же пришел в себя и направился следом за Мей.

– Аааххх, – выдохнула она, прислонившись к перекладине и выгнув спину. Это был усталый вздох – ну, мне показалось по звуку; таких я от нее раньше не слышал.

Я молча подошел ко второй перекладине и встал в той же позе, что и Мей. Она словно этого и ждала.

– Кстати, Сакакибара-кун, – ее правый глаз, не скрытый повязкой, неотрывно смотрел мне в лицо. – Осталась одна важная вещь, о которой мы так и не поговорили.

– Да?

– Эй. Ну, о том, как ты очутился в том же положении, что и я.

– А…

Да, точно.

Сегодняшние события в школе, позволившие мне на собственной шкуре испытать решение, принятое классом в отношении Мей. С моей колокольни, естественно, это выглядело громадной проблемой.

– Думаю, ты уже вполне можешь предположить, почему они это сделали.

…И все же…

Не прибедняясь, могу все же честно сказать, что свои мысли на этот счет я пока не привел в порядок. Видимо, Мей об этом догадалась – она принялась рассказывать голосом учительницы, вдалбливающей материал твердолобому ученику.

– Сестра Мидзуно-куна умерла, и Такабаяси-кун умер, значит, у нас уже две «жертвы июня». Значит, сомнений не осталось – этот год «такой». Я уверена, все пришли к естественному выводу: талисман не работает, потому что ты говорил со мной. Даже те, кто раньше до конца не верил, сейчас уже верят полностью.

– …

– И что же им теперь делать? Если ничего не делать, «катастрофа» так и продолжится. И умрет еще больше народу. Говорят, если уж это началось, то уже не остановится. Но должен же быть какой-то способ это остановить, или если не остановить, то хотя бы ослабить. Вполне нормальный ход мыслей.

Я вытянул руки в стороны и ухватился за перекладину, о которую опирался спиной. Потные ладони скользили по металлу. Мей продолжила объяснять.

– Скорее всего, они рассматривали две возможных стратегии.

– Две?

– Да. Первая – заставить тебя вести себя по правилам хотя бы сейчас и продолжать изо всех сил притворяться, что меня «нет». Но этого может оказаться недостаточно. И даже если какой-то эффект будет, едва ли это можно назвать переломным.

Поняааатно… наконец-то я начал догадываться.

Как только стало известно о гибели Мидзуно-сан, они начали обсуждать что-то вроде того, о чем сейчас сказала Мей. Это было в четверг. Когда меня отпустили следователи из полиции Йомиямы, я вернулся в класс, но там никого не оказалось. Хотя на том уроке должен был быть классный час. Просто они, чтобы я не узнал, о чем пойдет разговор, отправились в актовый зал корпуса S – как мне позже признался Мотидзуки.

– А второй из двух способов, значит… – произнес я. Мей кивнула и продолжила мою фразу:

– Увеличить количество учеников, которых «нет», до двух.

– …Ххааа.

– Они решили, что, может быть, если они так сделают, это усилит талисман. Кто это первым предложил… вполне возможно, ответственная за безопасность, Акадзава-сан. Она мне с самого начала показалась – как бы сказать? – сторонницей жестких мер.

Мне вполне верилось, что выбор Идзуми Акадзавы новой старостой от девчонок в тот день вполне мог повлиять и на другие решения класса.

– Так или иначе, они обсуждали новую «стратегию» и приняли такое решение. И с сегодняшнего дня ты стал таким же, как я.

То собрание утром – его проводили, чтобы окончательно утвердить «дополнительные меры», предпринимаемые с сегодняшнего дня; и, естественно, от меня это держали в секрете. Когда стало известно о смерти Икуо Такабаяси на выходных –

– Но смотри, – я все еще не мог в полной мере принять случившееся. – Такая стратегия… совершенно не факт, что она сработает. И все равно они на это пошли?

– Я же сказала, все в отчаянии, – с нажимом ответила Мей. – В мае и июне четыре человека взаправду умерли. Если так пойдет и дальше, следующим может оказаться любой из них, или из их родителей, или из братьев-сестер. Если рассуждать так конкретно, их решение уже не кажется таким сумасшедшим.

– Мда…

…Все верно.

Если предположить, что каждый месяц кто-то из людей, относящихся к классу три-три, становится «жертвой», то в следующий раз это может быть и Мей, и я. И Кирика-сан, мать Мей, с которой я только что познакомился, и мои бабушка с дедушкой. Нереально на первый взгляд, но – не исключено, что умереть может и отец, который сейчас в Индии. Я вполне мог все это представить, но все равно как-то не возникало у меня ощущения отчаяния, о котором говорила Мей.

– Ты считаешь, это нелогично? – спросила она.

– Да, считаю, – тут же ответил я.

– Попробуй подумать об этом вот так.

Мей отодвинулась от железной перекладины и повернулась ко мне. Даже не пытаясь придержать волосы, которые трепал ветер, она продолжила:

– Конечно, никакой гарантии нет… Но если есть хоть маленький шанс, что эта стратегия остановит «катастрофу», разве одного этого недостаточно? Я всегда так считала, я поэтому и согласилась стать той, кого «нет».

– …

– Нельзя сказать, что в классе у меня есть «подружки», как их называют. И то, что Кубодера-сэнсэй говорил про «преодолеть беды плечом к плечу» и «закончить год всем вместе», звучит абсолютно фальшиво и по-идиотски… Но когда люди умирают, это грустно. Даже если мне самой не очень грустно, есть множество людей, которым очень.

Не в силах ничего ответить, я молча стоял и неотрывно смотрел на губы Мей.

– Мы не знаем, помогут ли эти «дополнительные меры». Но если мы двое «перестанем существовать», может быть, этот ужас прекратится. Может быть, никто больше не будет грустить из-за чьей-то смерти. Если на это есть хоть крохотный шанс, я думаю, на такое можно согласиться.

Слушая Мей, я вспомнил слова Мотидзуки, которые он сказал в субботу.

«Просто скажи себе, что это для общего блага. Пожалуйста».

Но мне на подобные красивые идеалы было наплевать. Даже с учетом объяснения Мей выражение «для общего блага» несло в себе некий дополнительный нюанс. Я это чувствовал, и вдобавок –

Если я сейчас подниму лапки кверху и смирюсь, что меня «нет»…

Интересно, как это повлияет на наши – то есть мои и Мей – отношения?

Мы сможем общаться как два товарища по «несуществованию», не беспокоясь о том, что думают другие.

В любом случае, мы будем «не существовать» для всех. А значит, с нашей точки зрения, «не

существовать» будет остальной класс…

Ну и ладно, может, так и ничего.

Вместе с этой мыслью пришли легкое замешательство, легкое сожаление, легкое беспокойство – что это за чувства, даже я сам толком не понимал.

Мы ушли с площадки и двинулись по набережной реки Йомияма. Круглая луна в ночном небе выглядывала между облаков… Дойдя до моста через реку, мы распрощались.

– Спасибо, что проводила. Осторожнее на обратном пути, – сказал я. – Если ты сама веришь в то, что мне рассказала, то ты так же близка к «смерти», как были Сакураги и Мидзуно-сан. Так что…

– Это тебе следует быть осторожнее, Сакакибара-кун, – бесстрастно ответила Мей и провела кончиком правого среднего пальца наискосок по повязке, закрывающей левый глаз. – Со мной все будет в порядке.

Почему она так уверена? Каким-то странным мне это показалось, и я посмотрел на нее с прищуром. Мей убрала руку от повязки и протянула ее мне.

– Будем с завтрашнего дня не существовать вместе, Са-ка-ки-ба-ра-кун.

Она легонько пожала мне руку. Ее ладонь оказалась необычно холодной… но от места прикосновения вдруг по всему моему телу разлилось тепло.

Мей развернулась и зашагала прочь тем же путем, каким мы пришли сюда. Я видел ее лишь со спины, так что не мог сказать с уверенностью, но мне показалось, что ее руки убрали повязку с левого глаза.

7

Мне таки удалось заснуть, но затем я резко проснулся.

Мобильник, который я кинул на край кровати, вибрировал, подмигивая зеленым огоньком. Кто бы это мог быть? Все-таки уже глубокая ночь. Может, Тэсигаваре нужно что-то? Или…

Я перевернулся на живот и, протянув руку, взял трубку.

– ЗдорОво.

Одного слова мне хватило, чтобы понять, кто звонит. Я рассеянно пробормотал: «Чего тебе?»

– Эй, эй, а просто так я позвонить уже не могу?

Звонил отец из своей жаркой заграницы. Последний его звонок, конечно, был уже довольно давно, но все равно, что ж он так время выбирает…

– Готов спорить, в Индии жарко. Сейчас там у тебя уже ночь?

– Я только что поужинал карри. Как ты поживаешь?

– На здоровье не жалуюсь.

Отец, скорей всего, еще не знал о череде смертей моих одноклассников и их родственников. Наверно, мне следует ему рассказать. Но тогда мне придется упомянуть те вещи, которые я сегодня узнал от Мей, и…

Поколебавшись немного, я решил ничего не рассказывать.

Если я изложу упрощенную версию, вряд ли он что-то поймет, а полное объяснение займет слишком много времени. И потом, есть же (вроде как) правило, что «родным рассказывать нельзя».

«Тогда, может быть, тебе и не полагается знать».

В последний раз, когда я случайно наткнулся на Мей в подвале «Пустых синих глаз», она мне что-то такое сказала.

«Если ты сам выяснишь, то, возможно…»

Что она имела в виду?

Что если бы я «сам не выяснил», риск умереть для меня был бы чуть поменьше, или что? Об этом стоило подумать.

Я решил избегать сложных вопросов во время международного телефонного разговора и попробовал зайти с другого угла.

– Слушай, тебе это может показаться странным, но…

– Что такое? Влюбился?

– Прекрати. Ничего такого у меня нет.

– Охоо. Ну прости, прости.

– Тебе мама когда-нибудь рассказывала про свою учебу в средней школе?

– Чего?

У меня сложилось впечатление, что отец на той стороне звонка слегка офигел от такого вопроса.

– Чего это ты опять спрашиваешь ни с того ни с сего?

– Мама ходила в ту же самую школу, что и я сейчас. Северная средняя школа Йомиямы. Слова «класс три-три» тебе что-нибудь говорят?

– Мммм… – отец задумчиво засопел, потом несколько секунд молчал. Однако ответ, который он дал после всего этого, состоял из одного слова.

– Нет.

– Совсем нет?

– Ну, то есть она, может, и рассказывала мне истории о средней школе, но если ты хочешь, чтобы я их сейчас пересказал… Рицко, значит, в классе три-три училась, да?

Хмм… видимо, такова память мужчины, которому за пятьдесят.

– Кстати, Коити, – на этот раз спросил отец. – Ты там уже два месяца. И как тебе Йомияма полтора года спустя? Есть разница?

– Мммм… – я склонил голову набок, продолжая прижимать трубку к щеке. – Полтора года спустя? Но я же здесь в первый раз за все то время, что в средней школе учусь.

– Э? По-моему, нет…

В трубке раздалось шипение помех, и голос отца задрожал.

Я на секунду отвел трубку от лица. Ну да, конечно, в этой комнате ужасный уровень сигнала. Я проверил индикатор на краю экрана. Там оставалась одна полоска, однако помехи становились все сильней и сильней. Хххшшшшш, хххшшшшшхххшшшш…

– …Хмм?

Я с трудом разобрал голос отца.

– А, да. Ты прав. Что-то меня память подвела…

Его голос звучал так, будто он только что вспомнил что-то. Но дальше помехи заполнили все, голос отца утонул. Потом звонок прервался.

Я какое-то время глядел на экран, где не было ни одной полоски, потом лениво положил телефон рядом с подушкой.

И тут же меня пронзила холодная дрожь. Все тело… нет, не только тело. Такая же дрожь пронзила и сознание.

…Я боюсь.

Спустя всего один удар сердца пришли нужные слова.

Я боюсь. Я в ужасе. Вот от чего эта дрожь.

Сага о классе 3-3, услышанная сегодня от Мей Мисаки, – все из-за нее. Было не так плохо, когда я слушал и какое-то время после того, но сейчас внезапно… Какая-то задержка получилась – как мышцы не сразу начинает ломить после физических упражнений.

Ощущение было такое, будто полупрозрачная вуаль, скрывавшая реальность, которая лежит в основе событий, вдруг исчезла. И перед голой реальностью я почувствовал, как на меня накатывает ужас…

«Класс три-три ближе к смерти, чем остальные».

«Мы становимся ближе к смерти».

«Если ничего не делать, «катастрофа» так и продолжится».

«Говорят, если уж это началось, то уже не остановится…»

Если все, что рассказала Мей, – правда; и если вдобавок окажется, что сегодняшние

«дополнительные меры» тоже не сработают…

Тогда кто-то еще будет утянут в лапы смерти.

Возможно, и я сам – была такая вероятность. (…Что за мысли именно сейчас в голову лезут…)

В классе 3-3 тридцать учеников. Двадцать восемь без Сакураги и Такабаяси. Для простоты предположим, что жертвами становятся только ученики. Значит, грубо говоря, один шанс из двадцати восьми, что вот прямо сегодня ночью я…

Трагедия Юкари Сакураги, которую я видел своими глазами, и авария с Мидзуно-сан, которую я слышал по телефону… они сплелись, слились в единую мрачную, угловатую сеть, паутиной опутывающую мое сердце.

Над всем этим…

В моей голове вспыхнула надпись на парте Мей.

«Кто мертвый?»

http://tl.rulate.ru/book/89941/2883807